

БИБЛИОГРАФІЯ.

Вопросъ о подлинности правилъ Сардиійскаго собора (343 г.) въ современной западной литературѣ.

I. Friedrich. Die Unächtheit der Canones von Sardica. Separat-Abdruck aus d. Sitzungsberichten d. philos.—philol. und d. histor. Classe d. kgl. bayer. Akademie der Wissenschaften 1901, III. München.

Turner. The genuineness of the Sardican canons. The Journal of the theological studies. April, 1902, 370—397.

Въ ряду историческихъ документовъ, какіе приводятся католическими богословами въ защиту папскаго главенства, особенно важную роль играютъ 3, 4 и 5-й правила Сардиійскаго собора 343 года. И нужно сознаться, что изъ всѣхъ каноническихъ памятниковъ древней церкви только на эти правила можно указывать, какъ на такой документъ, о которомъ возможны серьезные споры, не предоставляеть-ли онъ Риму какихъ-либо особыхъ правъ, кромѣ преимущества чести. Такъ правило 3-е постановляетъ слѣдующее ¹⁾: „если

¹⁾ Правила Сардиійскаго собора сохранились до насъ въ двухъ разныхъ редакціяхъ—греческой и латинской,—не совпадающихъ между собой ни въ количествѣ, ни въ порядкѣ, ни въ текстѣ правилъ. Цитируемъ латинскую ихъ редакцію по изданію Lauchert'a „Die Kanones der wichtigsten altkirchlichen Consilien“, Leipzig, 1896.—отмѣчая важнѣйшія различія греческаго подѣ строкой.

кто изъ епископовъ будетъ осужденъ за какую-либо вину и сочтетъ свое дѣло правымъ, чтобы еще разъ возобновить судъ, то почтимъ, если вамъ угодно, память св. апостола Петра, и пусть тѣ, которые изслѣдовали дѣло, напишутъ Юлію, епископу римскому, и если онъ присудитъ, что судъ долженъ быть возобновленъ, то да возобновится и пусть онъ дастъ судей ¹⁾; если же признаетъ, что вина такова, что не требуетъ возобновленія сдѣланнаго ²⁾, то да пребудетъ твердо то, что (судъ) опредѣлили“. Четвертое правило не имѣетъ особеннаго значенія: оно является только необходимымъ дополненіемъ третьяго и опредѣляетъ, чтобы каеэдра епископа, обратившагося съ просьбой въ Римъ, оставалась незанятою, пока Римскій епископъ не произнесетъ своего сужденія по дѣлу. Пятое ³⁾ правило гласитъ слѣдующее: „если епископъ будетъ обвиненъ и окрестные епископы собравшись осудятъ его и низложатъ съ степени, низложенный же перенесетъ дѣло (appellaverit) и прибѣгнетъ къ епископу римскому, а тотъ пожелаетъ выслушать его и признаетъ справедливымъ возобновить судъ или изслѣдованіе дѣла, то да благоволитъ написать къ епископамъ сопредѣльной и ближайшей области, чтобы они тщательно все перензслѣдовали и опредѣлили по убѣжденію въ истинѣ. Если же тотъ, кто проситъ о вторичномъ выслушаніи своего дѣла ⁴⁾, просьбой своей подвигнетъ римскаго епископа послать отъ своего ребра пресвитеровъ, то да будетъ во власти епископа то, что онъ хочетъ и что найдетъ нужнымъ (aestimet); и если опредѣлитъ послать ихъ, чтобы они, имѣя авторитетъ назначившаго ихъ, судили вмѣстѣ съ епископами, то и это да будетъ въ его благорасположеніи. Если же увѣрится, что достаточно епископовъ ⁵⁾, чтобы положить ко-

1) Въ *греч.* „да возобновится судъ чрезъ ближайшихъ къ той области епископовъ и да назначитъ онъ разсмотрителей дѣла“.

2) Въ *греч.* „если же обвиняемый не сможетъ представить свое дѣло требующимъ вторичнаго сужденія“, — но вѣдь это въ сущности все равно, ибо рѣшающимъ лицомъ является папа.

3) По *лат.* ред. VII.

4) *Греч.* (не точно): „если же кто потребуетъ, чтобы дѣло его еще разъ было выслушано“...

5) *Греч.*: „если достаточно признаетъ бывшее разсмотрѣніе дѣла“.

нещъ дѣлу, то да сдѣлаеть то, что разсудится его благоразумнѣйшему разсужденію“. Изъ предложеннаго текста правилъ легко усматривается, что если Сардикійскій соборъ и не предоставилъ папѣ правъ послѣдней судебной инстанціи какъ утверждаютъ это католики ¹⁾, то во всякомъ случаѣ сдѣлалъ его какъ бы высшимъ блюстителемъ по важнѣйшимъ дѣламъ судебной практики, кончающимся изложеніемъ епископовъ, а это уже такая прерогатива, которая касается не только чести, но и права. Неудивительно, поэтому, что изложенныя правила съ давней поры привлекали къ себѣ особый интересъ какъ защитниковъ, такъ и противниковъ папства и вызывали у нихъ различныя сужденія; защитники старались извлечь изъ нихъ возможно большую сумму привилегій въ пользу папы, противники же низводили значеніе правилъ до minimum'a. Но до самаго послѣдняго времени весь этотъ споръ сводился къ опредѣленію только смысла правилъ, къ такому или иному ихъ истолкованію: никому и въ голову не приходило поставить себѣ самый существенный вопросъ о томъ, [подлинны-ли эти правила, дѣйствительно-ли они принадлежать Сардикійскому собору или являются одной изъ тѣхъ историческихъ поддѣлокъ, которыми такъ богата исторія папства? Правда, сомнѣніе въ подлинности Сардикійскихъ правилъ было высказано еще въ 1846 году однимъ англійскимъ ученымъ, но не будучи обставлено никакими научными данными, оно прошло совершенно незамѣтнымъ въ ученomъ мѣрѣ. Только въ истекшемъ 1901-мъ году этотъ вопросъ поставленъ былъ на очередь; съ рѣшеніемъ его въ этомъ году выступилъ мюнхенскій профессоръ, I. Фридрихъ, извѣстный дѣятель старокатолицизма; въ докладѣ, представленномъ имъ въ Мюнхенскую Академію наукъ и, затѣмъ, вышедшемъ въ отдѣльной брошюрѣ, онъ на основаніи анализа текста, содержанія и историческаго преданія о Сардикійскихъ правилахъ провель ту мысль, что соборъ 343 г. никакихъ правилъ не составлялъ, что правила, извѣстныя подъ именемъ Сардикійскихъ, есть ничто иное какъ поддѣлка, вышедшая изъ канцеляріи папы Иннокентія (401—417 г.г.) и возникшая около 416—417 г. Тезисъ, столь рѣзко высказанный Фридрихомъ

¹⁾ См. Hefele, Consiliengeschichte, 1. 661—668.

и снабженный рядомъ солидныхъ научныхъ доводовъ, обратилъ на себя общее вниманіе. Въ Англии его сторону принялъ такой ученый и церковный авторитетъ, какъ епископъ Салисбурійскій, Уордсуоръзъ (Wordsworth) ¹⁾, заявившій о себѣ рядомъ церковно-историческихъ статей и сочиненій, но здѣсь же выводы Фридриха встрѣтили себѣ и первый научный и сильный отпоръ въ обстоятельной статьѣ Тэрнера (Turner), помѣщенной въ недавно основанномъ англійскомъ богословскомъ журналѣ „Journal of theological studies, April, 1902“. Тэрнеръ—тоже не новичекъ въ области обсуждаемаго имъ вопроса: изъ примѣчаній къ его статьѣ видно, что онъ уже давно занимается спеціальнымъ изученіемъ источниковъ каноническаго права западной церкви съ цѣлю восстановленія ихъ древняго текста и въ ближайшемъ будущемъ намѣренъ опубликовать критически исправленный имъ текстъ правилъ именно Сардикійскаго собора, отрывки котораго (cap. III, VII, XVIII, XIX) онъ и даетъ въ качествѣ приложения къ своей статьѣ ²⁾. Такимъ образомъ предъ нами два солидныхъ изслѣдованія, заслуживающихъ полного вниманія какъ по своимъ научнымъ достоинствамъ, такъ и по противоположности результатовъ, къ какимъ они приходятъ. Правда, ни тезисъ Фридриха, ни возраженія, предъявленныя противъ него Тэрнеромъ, какъ увидимъ ниже, не могутъ быть названы окончательно исчерпывающими дѣло; пройдетъ еще много времени, появится не мало трудовъ, прежде чѣмъ вопросъ, выдвинутый Фридрихомъ, получить общепризнаваемое въ наукѣ рѣшеніе; но и теперь уже спорные пункты достаточно опредѣлились и аргументы спорящихъ партій настолько выяснились, что можно составить себѣ довольно точное представленіе о научномъ положеніи поднятаго вопроса.

I. Ознакомимся сначала съ аргументаціей Фридриха.

Какія несомнѣнныя данныя имѣются въ наукѣ о происхожденіи Сардикійскихъ правилъ? — Современники собора 343 года ничего намъ о нихъ не говорятъ, напротивъ все, что мы знаемъ отъ нихъ объ этомъ соборѣ свидѣтельствуетъ противъ возможности составленія имъ правилъ. Соборъ вовсе

¹⁾ Въ журналѣ Guardian, Féb. 26, 1902.

²⁾ См. прим. на стр. 376; ср. 396. 397.

не имѣлъ задачи составлять правилъ; въ изданныхъ имъ посланіяхъ нигдѣ не упоминается, чтобы имъ были опубликованы какіе-либо правила касательно церковной дисциплины. И не только отъ современниковъ собора, но и отъ ближайшихъ къ нему поколѣній мы ничего не слышимъ о нихъ. Новѣйшими историками каноническаго права (Hinschius, Löning) окончательно устанавливается тотъ фактъ, что въ теченіи всего четвертаго вѣка правила Сардикійскаго собора не примѣнялись нигдѣ, ни на Востокѣ, ни на Западѣ, что за весь этотъ вѣкъ постановка церковнаго суда надъ епископами была совершенно иная, чѣмъ та, которая предполагается 3 и 5 канонами Сардикійскаго собора. Въ первый разъ въ исторіи эти правила появляются только въ 419 году, и появляются при условіяхъ исключительныхъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ ¹⁾. Африканскій пресвитеръ Апіарій, низложенный своимъ епископомъ Урбаномъ Сиккскимъ, обратился съ апелляціей къ папѣ Зосиму, который принялъ жалобу и потребовалъ къ себѣ въ Римъ Урбана. Вмѣшательство папы въ дѣло, подлежавшее вѣдѣнію мѣстной церкви, подняло на ноги всѣхъ африканскихъ епископовъ, увидѣвшихъ въ рѣшеніи Зосима посягательство на упорно отстаиваемую ими автокефальность африканской церкви, и на общемъ соборѣ 1 мая 418 года они отвѣтили на требованіе папы изданіемъ особаго канона, гласившаго такъ: „если кто апеллируетъ къ суду по ту сторону моря (т. е. въ Римъ), то никѣмъ въ Африкѣ не будетъ принятъ въ общеніе“. Римъ, уже и тогда смотрѣвшій на себя, какъ на вершителя всѣхъ церковныхъ дѣлъ, не могъ оставить безъ опроверженія столь энергичнаго протеста, и папа Зосимъ отправилъ въ Карфагенъ легатовъ съ посланіемъ, такъ наз., *Commonitorium*, въ которомъ онъ защищалъ свое право принимать апелляціи на основаніи двухъ правилъ, выдаваемыхъ имъ за правила *Никейскаго* собора. Авторитетъ Никейскаго собора слишкомъ высоко стоялъ на Западѣ, чтобы можно было противиться его постановленіямъ, но при ближайшемъ знакомствѣ съ *Commonitorium*'омъ, африканскіе епископы, къ своему удивленію, замѣтили, что правила, приво-

¹⁾ Фридрихъ подробностей этого дѣла не передаетъ, предполагая ихъ общеизвѣстными, но мы помѣщаемъ ихъ ради ясности.

димья папой подъ именемъ Никейскаго собора, не находятся ни въ экземплярахъ африканской церкви, ни въ томъ оригинальномъ спискѣ, который принесъ въ Африку Цецилианъ, епископъ Карфагенскій, лично участвовавшій въ засѣданіяхъ перваго вселенскаго собора. Въ присутствіи легатовъ на соборѣ 25 мая 419 г., былъ поставленъ вопросъ о подлинности цитируемыхъ папой Никейскихъ правилъ, и, чтобы не нанести обиды папѣ, рѣшили послать посольство къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою сообщить точныя копии правилъ Никейскаго собора. На призывъ африканцевъ откликнулись св. Кириллъ Александрійскій и Атикъ Константинопольскій, и изъ присланныхъ ими списковъ съ оригиналовъ открылось, что подозрѣніе было основательно; цитируемыхъ папой правилъ въ нихъ не оказалось. Послѣ столь авторитетнаго изслѣдованія Карфагенскаго собора, правила, присланныя изъ Рима, стали распространяться на Западѣ подъ именемъ Никейскихъ, при чемъ въ спискахъ ихъ, для отличія отъ подлинно-никейскихъ канонѣвъ дѣлалось указаніе, что „этихъ правилъ на греческомъ языкѣ нѣтъ, а имѣются они въ латинскомъ“ ¹⁾. Этимъ-то правиламъ съ теченіемъ времени и было приурочено названіе „правиль Сардикійскаго собора“.

Таковы обстоятельства перваго появленія въ исторіи правилъ съ именемъ Сардикійскаго собора. Всѣ сдѣланныя доселѣ попытки доказать болѣе раннѣйшее ихъ существованіе не достигли успѣха. Самымъ надежнымъ ручательствомъ за подлинность Сардикійскихъ правилъ до сихъ поръ считалась ссылка на нихъ Грата, еп. Карфагенскаго, о которомъ, какъ своемъ сочленѣ, упоминаетъ Сардикійскій соборъ въ 7-мъ правилѣ. На соборѣ Карфагенскомъ, состоявшемся въ 345 или 348 г., Гратъ, по поводу предложенія еп. Привата запретить епископамъ переманивать къ себѣ клириковъ или мірянъ изъ чужой епархіи безъ согласія ихъ епископа, вспоминаетъ, что это уже было постановлено на Сардикійскомъ со-

---

¹⁾ См. Maassen, Geschichte d. Quellen und der Literatur d. canonischen Rechts im Abendlande, I B., ss. 59—63; приводятся образцы древнѣйшихъ рукописей съ этомъ родѣ, напр. въ фрейзинскомъ собраніи: incipit consilium Nicaenum XX episcoporum, quae in Graeco non habentur, sed in Latino inveniuntur ita.

борѣ ¹⁾, чему дѣйствительно и соотвѣтствуетъ 18 правило этого собора ²⁾. Но, возражаетъ Фридрихъ, 4-е правило Карѳагенскаго собора, гдѣ находится эта ссылка Грата, не можетъ быть признано подлиннымъ; во-первыхъ, Гратъ не присутствовалъ на Сардикійскомъ соборѣ, такъ какъ его имени нѣтъ въ наиболѣе достовѣрныхъ спискахъ подписей засѣдавшихъ въ Сардикѣ епископовъ, а кромѣ того св. Аванасій въ Апологіи противъ аріанъ прямо относитъ его къ числу епископовъ, не бывшихъ на соборѣ, но позднѣе подписавшихся подъ его актами; во-вторыхъ, самая ссылка Грата ложна по своему содержанію, потому что правило Сардикійскаго собора говоритъ о церковныхъ служителяхъ т. е. клирикахъ (*ministrum ecclesiasticum*), а постановление Карѳагенскаго собора касается мірянъ; въ третьихъ, странно, что Гратъ, жаловавшійся въ Сардикѣ на постоянныя искаательства африканскихъ епископовъ „въ воинскомъ станѣ“ (т. е. въ лагерѣ царя), противъ чего и направлено 7-е правило, на своемъ собственномъ соборѣ, собранномъ два или пять лѣтъ спустя послѣ Сардики, ни словомъ не обмолвился объ этомъ безпорядкѣ; наконецъ, 4 правило и не могло имѣть мѣста на соборѣ при Гратѣ, потому что иначе не зачѣмъ было бы его повторять двумъ послѣдующимъ соборамъ африканскимъ—Ишпонскому 393 г. и Карѳагенскому 398 г. Столь же неудачны старанія историковъ каноническаго права отыскать въ посланіяхъ папъ до Зосима такія мѣста, которыя бы по своему смыслу соотвѣтствовали правиламъ Сардикійскаго

---

¹⁾ IV пр. Карѳаг. собора: „Приватъ, еп. Вегезелитанскій, сказалъ: предлагаю Вашей святости постановить, чтобы не было позволено никому принимать или удерживать у себя чужаго клирика безъ грамоты его епископа или присвоивать мірянина изъ чужой паствы, дабы рукоположить его безъ согласія епископа, къ паствѣ котораго онъ принадлежитъ. Гратъ епископъ сказалъ: Соблюденіе этого сохранить миръ. Ибо помню, что и на святѣйшемъ соборѣ Сардикійскомъ было постановлено, чтобы никто не присвоивалъ чловѣка чужой паствы... Mansi, Cons. coll. III, 147.

²⁾ Прав. 18: Январій епископъ сказалъ: да постановитъ ваша святость также и то, чтобы ни одному епископу не позволено было увлекать церковнаго служителя у епископа другого города и рукополагать въ своей епархіи. Правило дошло только въ латин. редакціи. См. Lauchert, s. 68. 69.

собора, хотя бы и скрывающимся подъ именемъ Никейскихъ. Папы очень рано стали свободно обращаться съ Никейскими правилами и стремились расширить ихъ значеніе при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ уже папа Юліи, защищая предъ восточными право пересматривать рѣшенія одного собора при помощи другого, ссылался на примѣръ никейскихъ отцевъ, хотя подобнаго рода постановленія въ канонахъ Никейскихъ и не имѣется. Точно также папа Иннокентій I, запрещающій въ одномъ посланіи принимать въ клиръ челоуѣка, добровольно отрѣзавшаго себѣ часть пальца, опирается на 1-е правило Никейскаго собора, тогда какъ правило это касается однихъ скопцовъ. Подобнымъ образомъ къ расширенному пониманію дисциплинарныхъ постановленій Никейскаго собора могутъ ¹⁾ быть сведены и всѣ другія мѣста папскихъ декретарій, въ которыхъ хотятъ видѣть ссылки на Сардикійскія правила ²⁾.

Уже эти два пункта—неожиданное и странное появленіе правилъ Сардикійскихъ на Карфагенскомъ соборѣ 419 года, спустя 85-лѣтъ послѣ ихъ изданія, и отсутствіе всякихъ указаній на существованіе и примѣненіе ихъ къ дѣлу за весь 4-й и начало пятаго вѣка—достаточно для того, чтобы дать сильную опору сомнѣнію въ ихъ подлинности. Папство, какъ извѣстно, отличалось замѣчательною способностью эксплуатировать въ свою пользу малѣйшіе случаи, благопріятствовавшіе его притязаніямъ на всеобщее господство въ

---

¹⁾ А въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ позднѣйшимъ вставкамъ. Одну изъ такихъ вставокъ Фридрихъ находитъ въ слѣдующихъ словахъ посланія Иннокентія I къ Витрицію: „если между клириками . . . возникнутъ преступленія и тяжбы, но, такъ какъ сообразно съ Никейскимъ Соборомъ, тяжба рѣшается собраніемъ епископовъ той же провинціи, то пусть не дозволяется никому, оставивши священниковъ, которые въ той же провинціи повелѣніемъ Божественнымъ управляютъ церковію Божіей, обращаться съ дѣломъ въ другія провинціи (однако, не безъ предварительнаго сужденія римской церкви, которой во всѣхъ дѣлахъ надлежитъ охранять почтеніе“) . . . Слова, поставленные въ скобкахъ, Фридрихъ считаетъ интерполяціей. Но они легко могутъ быть истолкованы и въ качествѣ расширеннаго пониманія правила Никейскаго Собора, такъ какъ и въ Сардикійскихъ правилахъ имѣтъ постановленія, точно отвѣчающаго притязанію папы.

²⁾ Friedrich, 418—422.

церкви: какимъ же образомъ папы, и притомъ наиболѣе дѣятельные въ исторіи усиленія папскѣй власти, какъ напр. Дамасъ или Сирицій, могли систематически замалчивать такой крупный фактъ, какъ 3-е и 5-е правила Сардикійскаго собора, предоставившія имъ право принимать апелляціи на соборныя рѣшенія областныхъ епископовъ, — да еще во имя памяти св. апостола Петра? Дальнѣйшая исторія папства показываетъ, какъ ловко сѣумѣли воспользоваться папы этимъ документомъ послѣ того, какъ онъ, по опубликованіи на Карфагенскомъ соборѣ 419 г., воспринять былъ въ каноническіе сборники западныхъ церквей. Но эти аргументы *е silentio* получаютъ новую силу, если принять во вниманіе то наблюденіе, что папы, занимавшіе римскую кафедру съ 843 по 418 годъ, не только не вводятъ Сардикійскихъ правилъ въ свою судебную и административную практику, но и совсѣмъ *не знаютъ ихъ*, хотя сама жизнь прямо наталкивала ихъ на примѣненіе этихъ правилъ. Большую часть своего изслѣдованія (стр. 423—448) мюнхенскій профессоръ и посвящаетъ разбору папскихъ судебныхъ и административныхъ документовъ за время Дамаса, Сириція и Иннокентія и нигдѣ не находитъ ни малѣйшаго слѣда знакомства ихъ съ Сардикійскими правилами, но изъ всего матеріала, привлеченнаго имъ къ рѣшенію этого вопроса, мы отмѣтимъ только три факта, какъ наиболѣе характерные.

Въ 380-мъ году въ Римѣ состоялся соборъ италійскихъ епископовъ для обсужденія мѣръ къ искорененію безпорядковъ, вызванныхъ все еще продолжавшеюся борьбою между приверженцами Урзина и Дамаса. Изъ петиціи этого собора, посланной къ западному императору Граціану, мы узнаемъ, что въ 375 году, тотчасъ по вступленіи на престолъ, Граціаномъ изданъ былъ декретъ, въ которомъ императоръ, налагая разныя наказанія на партію Урзина, вмѣстѣ съ тѣмъ для упроченія церковнаго мира постановлялъ, чтобы впредь „Римскій епископъ имѣлъ изслѣдованіе о всѣхъ епископахъ церквей, такъ чтобы о дѣлахъ религіи судить вмѣстѣ съ сослужителями (*cum consortibus*) первосвященникъ религіи, дабы не произошло какой-либо обиды священству“... Что въ этомъ декретѣ подъ *всѣми* епископами церквей разумѣются только епископы западной церкви, это не только видно изъ

дальнѣйшаго содержанія соборной петиціи, но и необходимо требуется современными ей законодательными соборными и гражданскими актами касательно церковнаго управленія. Не говоря уже о второмъ правилѣ Константинопольскаго собора 381 г., опредѣлившемъ, чтобы „областные епископы не простирали своей власти за предѣлы своей области“, объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ распоряженіе Θεодосіа 1-го въ 384 г. на имя Тимофея Александрійскаго, предоставлявшее Александрійскому епископу тѣ же самыя права надъ египетскими епископами, какія папа получалъ въ декретѣ Граціана. Такъ какъ декреты императоровъ утверждали лишь наличное положеніе дѣла, то отсюда видно, что въ 375 году папа еще не обладалъ никакими особыми привилегіями, подобными тѣмъ, какія предполагаются 3 и 5 канонами Сардикійскаго собора, но дѣйствовалъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указаны ему наравнѣ съ другими главными епископами въ 6 пр. Никейскаго собора. И замѣчательно то, что въ Римѣ декретъ Граціана не только не встрѣтилъ никакого протеста, но принять былъ съ полнымъ удовольствіемъ. Въ вступленіи къ своей петиціи соборъ римскій 380 года заявляетъ, что уже все нужное для блага церкви сдѣлано, что послѣ долгихъ размышленій онъ не могъ придумать ничего, о чемъ можно было бы еще просить императора. Поэтому соборъ ходатайствуетъ не о новыхъ законодательныхъ мѣрахъ, а томъ, чтобы существующія распоряженія, остающіяся на бумагѣ вслѣдствіе снисходительности мѣстной администраціи, были, по повелѣнію царя, неукоснительно приводимы въ дѣйствіе. Такъ, опираясь на прежній декретъ Граціана о подсудности римскому епископу всѣхъ западныхъ епископовъ, соборъ проситъ его узаконить, чтобы, если Дамасъ или римскій соборъ низложатъ какого-либо епископа или потребуютъ къ себѣ на судъ, а тотъ не пожелаетъ подчиниться, то гражданскія власти принуждали бы его къ этому. Если подобный случай касается епископа отдаленной провинціи, то онъ пусть обсуждается у мѣстнаго митрополита; если же виновный самъ митрополитъ, то его должно принуждать явиться въ Римъ или на судъ тѣхъ епископовъ, какихъ назначитъ римскій епископъ. Но каждый епископъ, въ чемъ-либо обвиненный, можетъ апеллировать въ Римъ или къ пятнадцати сосѣднимъ еписко-

памь. Что же касается до подсудности Дамаса (папы), то соборъ просить, чтобы его, равнаго по должности прочимъ епископамъ,... но превосходящаго по преимуществу апостольскаго престола, императоръ не лишаль предоставленной всѣмъ прочимъ епископамъ привиллегии быть изъятымъ отъ обычнаго свѣтскаго суда, но чтобы, если папа не пожелаетъ ввѣрить свое дѣло епископскому суду, онъ былъ выслушиваемъ у императорскаго суда (*apud consilium imperiale*) и приговоръ получалъ отъ императора, однако такъ, что самое изслѣдованіе дѣла можетъ быть предоставлено и другимъ инстанціямъ.—Во всемъ этомъ ходатайствѣ собора важно то, что въ немъ пѣтъ нимагѣйшаго помину о Сардикійскихъ канонахъ 343 года; соборъ, состоявшійся въ 380 г., т. е. почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ предполагаемаго изданія этихъ правилъ, просить у императора въ сущности меньшихъ привиллегій для папы, чѣмъ тѣ, какими онъ долженъ былъ уже давно обладать по смыслу Сардикійскихъ постановленій, и свою просьбу основываетъ не на этихъ постановленіяхъ, а на рескриптѣ Граціана 375 года. Въ своемъ отвѣтномъ декретѣ, изданномъ на имя римскаго викарія Аквиліна, Граціанъ удовлетворяетъ ходатайство римскаго собора, почти буквально повторяя всѣ его пункты, однако съ двумя важными исключеніями: во-первыхъ, судъ надъ епископами предоставляется не единоличному умотрѣнію папы, ¹⁾ но долженъ происходить въ соучастіи съ пятью или семью другими епископами; во-вторыхъ, относительно подсудности самого Дамаса декретъ ничего не говоритъ, очевидно, оставляя въ силѣ порядокъ, упрочившійся въ церкви на основаніи 5 правила Никейскаго собора ²⁾.

Еще яснѣе незнакомство папъ съ правилами Сардикій-

¹⁾ Ср. 5 пр. Сардикійскаго собора: „что разсудится его благоразумнѣйшему разсужденію“.

²⁾ Friedrich, 424—432. — Такъ формулируетъ этотъ общій порядокъ Теофилъ Алекс. въ своемъ письмѣ къ Іоанну Златоусту: „думаю, что тебѣ не безызвѣстно опредѣленіе Никейскихъ правилъ, которымъ утверждается, чтобы епископъ не производилъ суда внѣ предѣловъ (своей области): если не знаешь, узнай и воздержись отъ писемъ противъ меня. Ибо если нужно судить меня, то я долженъ быть судимъ Египетскими епископами, а не тобой, отстоящимъ отъ меня на 75 дней пути“.

скаго собора выступаетъ въ дѣлѣ Іоанна Златоуста. Златоустъ былъ осужденъ Теофиломъ Александрійскимъ вопреки всѣмъ правиламъ и порядкамъ церковнаго судебного строя и, такъ какъ дѣло его было правое, то онъ желалъ, чтобы было произведено о немъ новое изслѣдованіе. Однако, въ Константинополѣ достигнуть этого было нельзя, а потому онъ обратился къ папѣ Иннокентію I и нѣкоторымъ западнымъ митрополитамъ съ просьбою вступиться за него, признать состоявшійся приговоръ неправильнымъ и назначить новый безпристрастный судъ, на который онъ готовъ явиться. Положеніе вещей было именно таково, какое предполагается 5 правиломъ Сардикійскаго собора: „если епископъ будетъ обвиненъ и окрестные епископы собравшись осудятъ его и низложатъ со степени, низверженный же перенесетъ дѣло и прибѣгнетъ къ епископу римскому, а тотъ пожелаетъ выслушать его и признаетъ справедливымъ возобновить судъ или изслѣдованіе дѣла, то да благоволитъ написать къ епископамъ сопредѣльной области, чтобы они тщательно все переизслѣдовали и опредѣлили по убѣжденію въ истинѣ“. Однако, не только Іоаннъ Златоустъ и его защитники не апеллируютъ къ этому правилу, но и самъ папа во всемъ процессѣ ведетъ себя такъ, что неизвѣстность ему этого правила не подлежитъ сомнѣнію. Единственное спасеніе для Златоуста Иннокентій I-й видитъ въ созваніи вселенскаго собора, а такъ какъ при враждебномъ расположеніи къ Златоусту восточнаго императора Аркадія, такой соборъ былъ немислимъ, то папа отказывается отъ возможности что-нибудь предпринять при такихъ обстоятельствахъ: „но что при теперешнемъ положеніи дѣла (*in praesenti*), — пишетъ онъ, — можемъ сдѣлать противъ этого? Необходимо дознаніе собора, какъ и раньше мы говорили, ибо это только можетъ укротить бурю такого смятенія... Потому что и мы давно и много думали о томъ, какимъ образомъ можно было бы собрать вселенскій соборъ, чтобы движенія беспорядка успокоены были наконецъ Божиимъ рѣшеніемъ“. Надо сознаться, — замѣчаетъ по этому поводу Фридрихъ, — что поведеніе папы Иннокентія I-го, если бы онъ зналъ Сардикійскіе каноны (хотя бы и подъ именемъ Никейскихъ) было бы непонятно и противорѣчило бы характеру его собственныхъ и вообще римскихъ дѣйствій. Мы убѣждаемся въ этомъ на

примѣръ папы Льва 1-го, который послѣ того какъ Сардикійскія правила стали извѣстными, въ совершенно аналогичномъ дѣлѣ Флавіана константинопольскаго не забылъ сослаться на нихъ въ письмѣ къ восточному императору Θεодосію II и даже присоединилъ ихъ къ своему письму; тоже находимъ и въ письмахъ его къ императору Валентиніану III и женѣ его Плакидіи. Иннокентій этого не дѣлаетъ,—доказательство, что онъ еще не зналъ Сардикійскихъ каноновъ ¹⁾).

Такой же выводъ получается и изъ разсмотрѣнія переписки антиохійскаго архіепископа Александра съ тѣмъ же папой Иннокентіемъ I. Александръ обратился къ папѣ съ письменной просьбой наставить его относительно объема его архіепископскихъ правъ въ своемъ округѣ и рѣшить нѣкоторые трудные вопросы, встрѣтившіеся ему въ своей административной практикѣ. Подобнаго рода запросы не были новостью для Рима, но до сихъ поръ они исходили изъ западныхъ церквей, подчиненныхъ высшей его юрисдикціи, теперь же за разрѣшеніемъ правовыхъ недоумѣній обратился восточный епископъ, и притомъ предстоятель важнѣйшей церкви, которая, по тогдашнему римскому возрѣнію, занимала третье мѣсто во всемъ хр—омѣ мірѣ. Папа и не могъ ожидать лучшаго повода для того, чтобы и Востоку напомнить о высшихъ преимуществахъ кафедры Петра, о чемъ онъ не уставалъ распространяться въ посланіяхъ къ западнымъ церквамъ. Однако, въ примѣненіи къ Антиохіи, обосновать эти преимущества было гораздо труднѣе; здѣсь уже не приложима была та аргументація, какую напр. разводилъ тотъ же Иннокентій въ посланіи къ Децентію, епископу Евгубіума, требуя отъ него точнаго соблюденія всѣхъ римскихъ порядковъ: „кто же не знаетъ или не внимаетъ тому, что то, что изначала передано ап. Петромъ римской церкви и донинѣ въ ней охраняется, должно быть соблюдаемо всѣми, и что не слѣдуетъ ни прибавлять, ни вводить ничего, не имѣющаго такого авторитета,—особенно, когда извѣстно, что во всей Италіи, Галліи, Испаніи, Африкѣ и Сициліи и ниже лежащихъ островахъ нѣтъ ни одной церкви, которую бы не устроилъ или апостоль Петръ или его

¹⁾ Friedrich, 440—444.

преемники? Иначе пусть скажутъ, былъ-ли въ этихъ провинціяхъ кто другой изъ апостоловъ или говорится-ли гдѣ, что онъ здѣсь жилъ?“ Церковь антиохійская была церковью апостольской и въ ея насажденіи участвовали тотъ же ап. Петръ, на которомъ основывались и привиллегии Рима. Любопытно видѣть, какъ папа выпутывается изъ этихъ затрудненій. Онъ признаетъ преимущества Антиохійской кафедры, но замѣчаетъ, что этими преимуществами она обязана не богатству своего города и не политическому его значенію, но тому, что она была первымъ сѣдалищемъ перваго Апостола, однако и въ этомъ отношеніи она должна уступить Риму, потому что первый Апостолъ дѣйствовалъ въ ней лишь мимоходомъ, въ Римѣ же онъ оставался долго и здѣсь же мученически скончался. Никакого другаго основанія для большаго превосходства римской кафедры папа указать не могъ. Точно также, разясняя Александру его архіепископскіе права, онъ вездѣ опирается на 6—правило Никейскаго собора въ томъ расширенномъ пониманіи, въ какомъ примѣняли его тогда въ Римѣ. О сардикійскихъ канонахъ папа и здѣсь ничего не знаетъ ¹⁾.

Если, так. обр., изложенные сейчасъ факты съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуютъ, что папы IV и начала пятаго вѣка были незнакомы съ 3 и 5 правилами Сардикійскаго собора, то съ другой стороны на основаніи изслѣдованія папскихъ документовъ можно прочно установить и тотъ хронологическій пунктъ, когда Сардикійскія правила въ первый разъ пущены были въ обращеніе. Когда Иннокентій 1-й въ упомянутомъ выше письмѣ къ Децентію, изданномъ въ 416 году, развивалъ свою теорію, о необходимости всѣмъ церквамъ западнымъ согласоваться съ порядками Римской церкви, онъ основывался только на апостольскомъ происхожденіи римской кафедры и не привлекалъ въ пользу своего тезиса никакихъ другихъ источниковъ. Въ слѣдующемъ же 417 году имъ отправлено было особое посланіе къ африканскимъ епископамъ по поводу усиленныхъ просьбъ послѣднихъ подтвердить своимъ авторитетомъ осужденіе пелагианства, произнесенное ими на Карфагенскомъ соборѣ. Воздавая похвалу благочестію и ревности

¹⁾ Ibid., s. 446—448.

епископовъ за ихъ обращеніе къ апостольской каедрѣ, папа высказываетъ общую всѣмъ папскимъ декретаріямъ мысль, что только при этомъ условіи и возможно правильное и истинное рѣшеніе церковныхъ затрудненій, но въ развитіи этой мысли становится на новую позицію и доказываетъ ее ссылкой не только на апостольское достоинство каедръ Петра, но и на „постановленія отцовъ (*patrum instituta*)“, узаконившія будто бы, что хотя „какое бы то дѣло ни велось даже въ отдаленныхъ и разъединенныхъ провинціяхъ, оно можетъ быть окончено не прежде, чѣмъ извѣстіе о немъ достигнетъ до этой каедръ“. Очевидно, при составленіи своего посланія къ африканцамъ папа имѣлъ подъ руками документъ, содержащій подобнаго рода постановленія отцовъ, а такимъ документомъ, по заключенію Фридриха, и могли быть только 3 и 5 правила Сардикійскаго собора. Два мѣсяца спустя папа Иннокентій умеръ, и его каедрѣ наследовалъ Зосимъ, который въ сужденіи о пелагианствѣ выступилъ противъ африканской церкви и свое поведеніе обосновалъ уже прямо на уваженіи (*reverentia*), какое предоставлено римской каедрѣ опредѣленіями отцовъ (*decreta patrum*) ради чести блаженнѣйшаго Петра, т. е. на правилахъ Сардикійскаго собора. „Такъ какъ, — аргументируетъ Фридрихъ, — папа Иннокентій въ своихъ письмахъ къ Александру Антиохійскому и Децентію Евгубіумскому еще не дѣлаетъ никакихъ намековъ на Сардикійскіе каноны, хотя это было весьма кстати, то они появились въ 416/417 годахъ въ качествѣ Никейскихъ и были восприняты Иннокентіемъ ¹⁾. Съ этимъ удивительнымъ результатомъ, — замѣчаетъ далѣе Фридрихъ, — совпадаетъ и другое важное наблюденіе, что какъ разъ съ именемъ этого папы связаны какъ самое наименованіе каноновъ Никейскими, такъ и распространеніе ихъ на Западъ. Такъ въ древнѣйшей бургундской рукописи Никейскихъ правилъ, въ число которыхъ занесены и Сардикійскія, въ концѣ ихъ значится слѣдующая любопытная прибавка: *expliciant capitula CCCXVIII patrum Nicensi transcripti in urbe Roma de exemplaribus sancti Innocenti episcopi* — кончаются правила 318 никейскихъ отцовъ, переписанные въ городѣ Римѣ съ экземпляровъ св. епископа Инно-

¹⁾ Ibid., s. 448—450.

кентія“. Подобнаго рода прибавки, указывающія на канцелярію Иннокентія, какъ на источникъ, откуда распространялись списки Сардикійскихъ канонѡвъ по Западу, встрѣчаются и въ другихъ древнихъ латинскихъ манускриптахъ, хранящихся въ западныхъ библіотекахъ ¹⁾. Изъ этихъ прибавокъ видно, что въ распоряженіи Иннокентія находился сборникъ правилъ, въ которомъ Сардикійскіе правила были внесены въ качествѣ Никейскихъ и непосредственно присоединены къ нимъ, что еще при жизни Иннокентія эти правила списывались въ Римѣ и достигли, между прочимъ, Галліи (бургунская рукопись); здѣсь они повидимому вызвали сначала недоумѣніе, такъ что потребовалась ссылка на папу Иннокентія, чтобы обезпечить имъ благопріятный пріемъ. Какъ они встрѣчены были въ Африкѣ, мы уже знаемъ, но изслѣдованіе, предпринятое африканскимъ соборомъ, важно еще въ томъ отношеніи, что оно показало, что и на Востокѣ, по крайней мѣрѣ, въ Александріи и въ Антиохіи, они были неизвѣстны. „Никто ни въ Римѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, ничего не зналъ о Сардикійскихъ канонахъ, ни одного списка ихъ нигдѣ не существовало. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то смущеніе, въ какое поставило всѣхъ появленіе подлога, и старанія дать какое-либо объясненіе этимъ римско-никейскимъ правиламъ. Совсѣмъ и не думали о томъ, что это Сардикійскія правила — такъ стали думать только въ VI вѣкѣ,—но гадательно говорили: это—Никейскія правила, но ихъ нѣтъ у грековъ; или принимали, что они принадлежатъ второму никейскому собору, о которомъ однако-же никто ничего не зналъ, или наконецъ просто обозначали ихъ какъ древнія правила, происхожденіе которыхъ неизвѣстно ²⁾“. Какъ же случилось, что пущенные сначала подъ именемъ Никейскихъ канонѡвъ впоследствии получили имя Сардикійскихъ? Ясный отвѣтъ на это даетъ появившееся въ началѣ VI вѣка так. наз. „объясненіе касательно канонѡвъ африканскихъ и сардикійскихъ“; въ немъ послѣ списка под-

¹⁾ См. у Фридриха, с. 450.

²⁾ Что дѣйствительно появленіе сардикійскихъ правилъ на первыхъ порахъ вызвало этотъ рядъ недоумѣній, это съ несомнѣнностью доказывается надписями въ древнѣйшихъ рукописныхъ латинскихъ спискахъ этихъ канонѡвъ. Подробности объ этихъ рукописяхъ см. у Maassen'a, *Geschichte d. Quellen*, 1. 69 fg.

линыхъ Никейскихъ правилъ значится слѣдующее: „praeterea sunt aliae quadraginta regulae, quae per Osium episcopum currunt. quae titulantur tanquam viginti episcoporum apud Sardicam, quae tamen non apud Graecos, sed apud Latinos magis inveniuntur 1)“. Путаница, заключающаяся съ этой записи, показываетъ, что авторъ ея ровно ничего не зналъ о дѣйствительномъ происхожденіи предлежавшихъ ему правилъ и свою догадку основывалъ лишь на имени Осіи, еп. Кордубскаго, отъ лица котораго предлагаются правила. Когда результаты разслѣдованія правилъ, предпринятаго Каррагенскимъ соборомъ 419 года, стали общеизвѣстны на Западѣ, и приписывать ихъ первому Никейскому собору сдѣлалось невозможнымъ, имя Осіи осталось единственнымъ указаніемъ, по которому ихъ можно было еще приурочить къ опредѣленному историческому факту, а такъ какъ Осія предсѣдательствовалъ на соборѣ въ Сардикѣ, пользовавшемся большой извѣстностію на Западѣ, то этому собору и было приписано составленіе анонимныхъ правилъ. Эта догадка однако не устранила всѣхъ сомнѣній: одна рукопись, принадлежащая уже VIII вѣку, предъ изложеніемъ Сардикійскихъ канонѣвъ имѣетъ такую надпись: „еще XX (правилъ) епископовъ никейскихъ: но у грековъ нѣтъ, а говорятъ, что какихъ-то сардикійскихъ“ 2).

Но псевдо-сардикійскіе каноны не только распространились изъ Рима,—они здѣсь же были и составлены. На римское ихъ происхожденіе указываетъ то обстоятельство, что фальсификаторъ, составлявшій ихъ, пользовался въ своей работѣ римскими источниками. Этими источниками для разныхъ правилъ служили слѣдующіе документы: а) извѣстный намъ рескриптъ Граціана къ Аквилину, изданный по ходатайству Римскаго собора 380 года; б) правила, посланные въ Галлію другимъ римскимъ соборомъ при Сиріции и в) декретарій папы Иннокентія къ Витрицію Руенскому. Фридрихъ удачно извлекаетъ изъ этихъ источниковъ параллели, соотвѣтствующія тому или другому правилу, подвергаетъ ихъ анализу и вездѣ констатируетъ ихъ тѣсную связь и зависимость 3). Но, какъ и слѣдуетъ ожидать, глав-

1) Издано у Maassen'a, въ приложеніи стр. 956.

2) Friedrich, 452; ср. Maassen, 62.

3) Friedrich, 452—465.

ное вниманіе онъ обращаетъ на происхожденіе 3, 4 и 5 правилъ Сардикійскаго собора, трактующихъ объ апелляціяхъ къ папѣ, потому что въ нихъ и лежала вся цѣль поддѣлки, остальные же правила придуманы были болѣе „для декораціи“, чѣмъ по реальнымъ побужденіямъ. Однако, разгадать генезисъ и этой важнѣйшей части поддѣлки не трудно; это нужно считать фатальнымъ для всего намѣренія фальсификатора,—замѣчаетъ Фридрихъ,—что до нашего времени сохранились посланіе римскаго собора 380 г. къ Граціану и его отвѣтный рескриптъ на имя Аквиліана,—документы, раскрывающіе предъ нами со всею ясностію весь процессъ фальсификаціи. Сравнивая 3—5 каноны съ декретомъ Граціана, можно видѣть, что фальсификаторъ заимствуетъ отсюда и форму и содержаніе ихъ, но только расширяетъ и систематизируетъ постановленія рескрипта, а отчасти подлагаетъ имъ свою тенденцію. Соответственно ходатайству римскаго собора о примѣненіи къ дѣлу распоряженій, изданныхъ Граціаномъ еще въ 375 году, декретъ опредѣляетъ, что всякаго (епископа), осужденнаго соборомъ Дамаса въ соприсутствіи пяти или семи епископовъ и не желающаго подчиниться ему, или который, будучи призванъ къ епископскому суду, по упорству не явится на него, мѣстныя гражданскія власти должны принудительно приводить къ епископскому суду или подъ стражей отправлять въ Римъ. „Если же, продолжаетъ рескриптъ развивать это общее положеніе въ частностяхъ, такая дерзость откроется въ отдаленнѣйшихъ частяхъ, то все производство по этому дѣлу направляется къ митрополиту той провинціи; если же (виновнымъ) будетъ самъ митрополитъ, да неукоснительно (*sine delatione*) спѣшитъ въ Римъ или къ тѣмъ, кого римскій епископъ дастъ въ судьи (*quos romanus episcopus iudices dederit*)“. „Если же возникнетъ сомнѣніе въ безпристрастїи (на судѣ) митрополита или какого-либо другого епископа, то должно апеллировать (*provocare*—переносить судъ) къ римскому епископу или къ собору пятнадцати ближайшихъ епископовъ, однако такъ, что послѣ произведеннаго (этими послѣдними инстанціями) изслѣдованія то, что будетъ опредѣлено, не возобновляется“. Какъ видимъ, декретъ Граціана имѣетъ въ виду тѣ же два случая апелляціи, какія предполагаются 3 и 5 правилами Сардикійскаго собора, и даетъ по нимъ

такое же рѣшеніе. „Если,—говорится въ третьемъ правилѣ,—кто изъ епископовъ будетъ осужденъ за какую-либо вину и почтетъ свое дѣло правымъ (т. е. очевидно, не подчинится рѣшенію суда), то . . . пусть тѣ, которые изслѣдовали дѣло, напишутъ Юлію, епископу римскому . . . и пусть онъ дастъ судей (et det iudices“) . . . Апелляція идетъ отъ суда, приговоръ котораго не призналъ обвиняемый,—точно также, какъ и въ рескриптѣ Граціана: „если это будетъ самъ митрополитъ и т. д.“. Фальсификаторъ только обобщаетъ распоряженіе Граціана, относя его не къ однимъ митрополитамъ, но ко всѣмъ епископамъ, однако удерживаетъ какъ смыслъ, такъ и фразеологію его (. . . и дастъ судей . . .). Тоже самое наблюдается и во второмъ случаѣ апелляціи. „Если епископъ будетъ обвиненъ,—опредѣляетъ пятое правило,—и окрестные епископы собравшись . . . низложатъ его, низложенный же перенесетъ дѣло (appellaverit-provocare) . . . къ римскому епископу, то . . . да благоволитъ написать къ епископамъ ближайшей области, чтобы они тщательно все переизслѣдовали“ . . . Здѣсь инициатива апелляціи исходитъ отъ обвиняемаго, недовольнаго рѣшеніемъ суда,—точно также, какъ и въ рескриптѣ Граціана: „если возникнетъ сомнѣніе (конечно, со стороны потерпѣвшаго) въ безпристрастіи“ и т. д. Только фальсификаторъ опять обобщаетъ въ пользу папы постановленіе рескрипта и, хотя заимствуетъ изъ него инстанцію суда ближайшими епископами, однако назначеніе ея предоставляетъ усмотрѣнію папы. Фраза 3 правила: „если (папа) признаетъ, что дѣло . . . не требуетъ возобновленія, то да пребудетъ твердо, что (судъ) опредѣлил“, взята, очевидно, тоже изъ рескрипта: „послѣ произведеннаго изслѣдованія и т. д.“, что необходимо предполагается и 5 правиломъ ¹⁾. Это взаимоотношеніе между декретомъ Граціана и 3 и 5 псевдо-сардикійскими правилами даетъ возможность вскрыть основную тенденцію фальсификаціи; декретъ Граціана, отвѣчавшій на петицію римскаго собора, имѣлъ въ виду нужды только западной церкви и удовлетворялъ ихъ сообразно наличному положенію перковнаго судоустройства (папа судить не одинъ, а съ пятью или семью епископами; судъ 15-ти сосѣднихъ епископовъ—равноправная инстанція

¹⁾ Friedrich, 453—460.

съ папой). Фальсификаторъ же распространяетъ правило на всю церковь и существенно усиливаетъ вліяніе папы въ судебныхъ процессахъ, предоставляя почти все его усмотрѣнію, и въ то же время стремится придать имъ высшій церковный авторитетъ, усвоивъ ихъ первому вселенскому собору.

Хотя поддѣлка произведена была въ Римѣ, но авторомъ ея былъ африканецъ. На Африку, какъ родину фальсификатора, указываютъ многіе характерныя черты его работы. Такъ самая внѣшняя форма правилъ создана по образцу африканскихъ соборовъ, не имѣющему аналогій въ греческихъ правилахъ: правило вносится предсѣдателемъ или членомъ съ предложеніемъ, не благоугодно-ли будетъ собору принять его, и затѣмъ утверждается общимъ голосомъ собора: „всѣ сказали: благоугодно“. Затѣмъ, по своему содержанию, многія правила имѣютъ въ виду нестроеніе именно африканской церкви, какъ напр. частыя искательства „въ военномъ лагерѣ (при дворѣ)“ и образованы по примѣру постановленій карфагенскихъ соборовъ. И самая поддѣлка, наконецъ, была вызвана сношеніями папы съ африканскою церковью и назначалась для Африки ¹⁾. Впрочемъ, свой окончательный видъ (теперешній) каноны Сардикійскіе получили позднѣе эпохи Иннокентія 1-го; изданные сначала подъ именемъ Никейскихъ они не могли имѣть въ своемъ текстѣ прибавокъ, ставящихъ ихъ въ связь съ Сардикійскимъ соборомъ, какъ-то упоминанія о папѣ Юліи въ 3 кан. и ссылки на Грата, еп. Карфагенскаго въ 18 пр. Эти прибавки внесены позднѣйшимъ редакторомъ, желавшимъ самымъ содержаніемъ правилъ подтвердить ихъ происхожденіе отъ собора 343 г., когда невозможность приписывать ихъ никейскимъ отцамъ сдѣлалась ясною для всѣхъ, и оказались настолько удачны, что въ теченіи многихъ вѣковъ держали въ заблужденіи христіанскій міръ и науку.

II. Разсмотримъ теперь, что отвѣчаетъ Тёрнеръ, защитникъ подлинности правилъ Сардикійскаго собора, на изложенные сейчасъ доводы Фридриха.

Разсказавъ кратко исторію перваго появленія Сардикійскихъ правилъ на Карфагенскомъ соборѣ 419 года и отмѣ-

¹⁾ Ibid., s. 465—472.

тивъ неудоmвнiя, вызванныя ими тогда, Тэрнеръ согласно съ Фридрихомъ признаеть, что запутанность историческаго преданiя объ этихъ правилахъ давно уже вызвала нѣкоторое недоуvрiе или сомнѣнiе въ нихъ въ умахъ всѣхъ, кто имѣлъ случай заниматься ими, и выражаетъ удовольствiе по поводу того, что за разъясненiе этого вопроса взялся человекъ столь извѣстной учености, какъ Фридрихъ. „Мы можемъ быть увѣрены, что вопросъ, поднятый имъ, поставленъ надлежащимъ образомъ, и если мы не согласимся съ окончательнымъ результатомъ его изслѣдованiя, мы все-таки должны быть благодарны ему за тотъ матерiалъ, который онъ сгруппировалъ по своему вопросу. И мы увидимъ сейчасъ, предупреждаетъ Тэрнеръ своихъ читателей, что заподозрѣнную имъ подлинность Сардикiйскихъ канонѠвъ гораздо легче поддержать чрезъ раскрытiе тѣхъ трудностей, какiя соединены съ его взглядомъ, чѣмъ положительными доказательствами, которыя уже по силѣ особенностей вопроса не могутъ быть изобильными“.

Главное затрудненiе Тэрнеръ находитъ въ самомъ существѣ развиваемой Фридрихомъ теорiи. Что римская церковь въ одну изъ критическихъ минутъ своей исторiи, когда подверглись сомнѣнiю давно вскормленныя ею притязанiя, могла обратиться для защиты ихъ къ подлогу, въ этомъ предположенiи, разсуждая а-р-иоги, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Но одно дѣло—допустить одинъ подлогъ, другое дѣло—цѣлый рядъ. Всякiй, читающiй изслѣдованiе Фридриха, не можетъ не испытать нѣ котораго чувства дисгармонiи или непропорциональности, когда онъ знакомится съ той массой подлоговъ, интерполяцiи и исправленiй, какой требуетъ его взглядъ при послѣдовательномъ проведенiи. Ссылается-ли Гратъ, еп. карагенскiй, на правило Сардикiйскаго собора, тотъ канонъ, въ которомъ эта ссылка, долженъ быть позднѣйшей вставкой; дѣлается-ли папа оговорку о „предварительномъ сужденiи римской церкви, которой во всѣхъ дѣлахъ нужно отдавать почтенiе“, эти слова, отчасти напоминающiя собой Сардикiйскiя постановленiя, суть интерполяцiя; упоминаетъ-ли самъ Сардикiйскiй соборъ о Гратѣ, это имя-дѣло позднѣйшаго фальсификатора. Мало того: вся исторiя подлога у Фридриха представляется въ очень странномъ и загадочномъ видѣ. Допустимъ, что въ извѣстный

благоприятный моментъ какой-нибудь энтузіастъ — почитатель папы пришелъ къ мысли привлечь на помощь папству авторитетъ никейскаго собора и приписать ему новыя правила, но, вѣдь, этотъ первый подлогъ никого не обманулъ; ни въ Кареагенѣ, ни на Востокѣ онъ не нашелъ признанія. Проходитъ нѣсколько десятилѣтій, — и тѣже правила, изданныя подъ именемъ Сардикійскаго собора лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, встрѣчаютъ себѣ общій пріемъ на Востокѣ и Западѣ и до настоящаго времени весь міръ держатъ въ заблужденіи. И этому не нужно удивляться..., потому что Фридрихъ фальсификатора, работавшаго сто лѣтъ спустя послѣ эпохи Сардикійскаго собора, надѣляется такимъ прекраснымъ знаніемъ мелчайшихъ обстоятельствъ этой эпохи, какимъ часто не обладаютъ и современники. Такъ онъ знакомъ съ характернымъ выраженіемъ Аѳанасія александрійскаго въ Апологіи противъ аріанъ о епископахъ, поставленныхъ на водныхъ путяхъ Италіи (*ἐν τῷ θαλάσσῃ*) ¹⁾, и на основаніи его построяетъ правило (20); онъ знаетъ точно хронологію кареагенскихъ епископовъ, потому что вноситъ именно современнаго собору Грата вмѣсто другого, который долженъ былъ значиться у перваго фальсификатора, издавашаго каноны подъ именемъ Никейскихъ. И онъ настолько освѣдомленъ объ обстоятельствахъ времени, что упоминаетъ о специальныхъ затрудненіяхъ Фессалоникійскихъ церквей ²⁾ и умѣетъ составить особое правило о принятіи епископовъ, бѣжавшихъ „за исповѣданіе католической церкви“. Послѣ всего этого не въ правѣ ли мы въ подлогѣ, обличаемомъ у Фридриха, видѣть феноменъ, единственный въ лѣтописяхъ всѣхъ литературъ ³⁾?

¹⁾ У Фридриха, ss. 468. 469. Мы опустили этотъ пунктъ, какъ не имѣющій важнаго значенія для оцѣнки его взгляда. Дѣло въ томъ, что Тэрнеръ неправильно передаетъ эту мысль Фридриха, который константируетъ здѣсь напротивъ искаженіе фальсификаторомъ выраженія Аѳанасія. У Аѳанасія—епископы „на водныхъ путяхъ *Италіи*“, а у него—епископы „на припутьяхъ или на путяхъ водныхъ“ всѣхъ странъ, — далеко не одно и тоже.

²⁾ Пр. 16. „Не безызвѣстно Вамъ, какова и сколь велика Фессалоникійская митрополія; часто приходятъ въ нее изъ другихъ епархій пресвитеры и діаконы и, не довольствуясь кратковременнымъ пребываніемъ, остаются и всегдашнее жительство тамъ имѣютъ“...

³⁾ Turner, cit. op., s. 373—375.

Переходя къ разбору доказательствъ, предложенныхъ Фридрихомъ, Тэрнеръ прежде всего останавливается на нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ его аргументаціи. Онъ вполне признаетъ выводъ Фридриха, сдѣланный на основаніи теоретическихъ соображеній, что въ начальномъ текстѣ Сардикійскихъ правилъ отсутствовало имя папы Юлія, и даже подтверждаетъ его рукописными данными ¹⁾. Но за то онъ энергично защищаетъ подлинность цитаты Грата на Кароагенскомъ соборѣ 345 или 348 года и, — надо сознаться, — съ полнымъ успѣхомъ ²⁾. Фридрихъ въ своихъ возраженіяхъ противъ исторической достовѣрности цитаты превысилъ то, на что уполномочивалъ его текстъ соотносительныхъ правилъ Сардикійскаго и Кароагенскаго соборовъ. Во-первыхъ, 8-е ³⁾ Сардикійское правило ничуть не вынуждаетъ мысли, что Гратъ лично присутствовалъ на этомъ соборѣ; предложеніе правила дѣлаетъ не Гратъ, а Осія; его фраза: „многіе изъ епископовъ не перестаютъ приходить въ воинскій станъ (ко двору царя), а особенно африканскіе, какъ мы узнали отъ возлюбленнаго брата нашего и соепископа Грата“, вполне допускаетъ то толкованіе, что Осія сообщаемое имъ собору свѣдѣніе получилъ отъ Грата не на соборѣ, а ранѣе. Последнее даже вѣроятнѣе, потому что въ противномъ случаѣ естественнѣе было бы выступить съ предложеніемъ самому

¹⁾ Мы выше упоминали, что къ статьѣ своей Тэрнеръ приложилъ отрывки приготовленнаго имъ къ изданію текста Сардикійскихъ правилъ; у него имени Юлія нѣтъ. Это важно потому, что такъ восстановленный текстъ разъ на всегда устраняетъ то толкованіе Сардикійскихъ правилъ, по которому привиллегіи, предоставленныя римской кафедрѣ въ 3, 4 и 5 пр., относятся будто бы только лично къ папѣ Юлію. Помимо рукописныхъ данныхъ, это толкованіе не можетъ быть принято и потому, что 1) въ 5 правилъ нѣтъ имени Юлія, а сказано вообще: „римскому епископу“, во 2) мотивомъ правилъ выступаютъ не личныя заслуги Юлія, а желаніе „почтить память св. апостола Петра“.

²⁾ Мы здѣсь намѣренно опускаемъ замѣчаніе Тэрнера, что изъ четырехъ рукописей Сардикійскихъ (подъ именемъ Никейскихъ) правилъ съ указаніемъ на происхожденіе ихъ изъ канцеляріи папы Иннокентія I, цитируемыхъ Фридрихомъ, только одна подтверждаетъ его тезисъ; три остальные содержатъ въ себѣ подлинныя Никейскія правила. Это упрекъ мелочный. Все равно остается въ силѣ тотъ фактъ, что первый списокъ подложныхъ правилъ Галлія получила изъ канцеляріи Иннокентія. См. Maassen, Geschichte d. Quellen, 57 fg.

³⁾ Въ греч. 7-е.

Грату. Во вторыхъ, неосновательно и обвиненіе Грата въ ложности цитаты; но изслѣдованіямъ Тэрнера первоначальный текстъ 18 правила не содержалъ въ себѣ добавленія „служителя (ministerium)“ а просто имѣлъ „церковнаго (ecclesiasticum)“ т. е. человѣка, подъ которымъ разумѣлся всякій христіанинъ. Итакъ, въ цитатѣ Грата все обстоитъ благополучно ¹⁾.

Главные свои возраженія противъ Фридриха Тэрнеръ очерпаетъ въ двоякаго рода наблюденіи: а) въ данныхъ исторіи рукописей съ Сардикійскими канонами и б) въ соответствіи ихъ содержанія и начальной исторической судьбы обстоятельствамъ времени. На основаніи Маассена,—безапелляціоннаго авторитета по вопросамъ объ источникахъ каноническаго права западной церкви,—онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ различныхъ бібліотекахъ Запаदा доселѣ существуетъ до 11 рукописныхъ собраній, ведущихъ свое происхожденіе изъ шестаго вѣка и содержащихъ въ себѣ теперешнія Сардикійскія правила. Большинство изъ этихъ коллекцій не представляютъ собой плода лишь начального собиранія каноническихъ памятниковъ, а напротивъ требуютъ для себя продолжительной стадіи предварительныхъ работъ по этой части. Объ этомъ свидѣтельствуетъ разнообразіе текста, редакцій, порядка и пр., въ какомъ одинъ и тотъ же документъ воспроизводится въ разныхъ, хотя и одновременно возникшихъ коллекціяхъ. Эта черта наблюдается и въ примѣненіи къ тексту Сардикійскихъ каноническихъ, содержащемуся въ древнѣйшихъ (VI в.) собраніяхъ. По словамъ Маассена, „между всѣми этими коллекціями существуетъ большое различіе текста., въ раздѣленіи правилъ наблюдается большое разнообразіе., возстановить оригинальный латинскій текстъ при помощи существующаго матеріала было бы очень не легкимъ дѣломъ“. Такое разнообразіе рукописей не могло возникнуть вдругъ: оно предполагаетъ длинную и запутанную исторію прежде, чѣмъ списки текста были внесены въ существующія собранія шестаго вѣка. Думать, что все это могло совершиться на пространствѣ только этого вѣка, какъ того требуетъ теорія Фридриха, въ виду указаннаго свидѣтельства рукописей невозможно.—Но допустимъ,

¹⁾ Turner, 375—380.

что вторичная поддѣлка, придавшая канонамъ видъ Сардикійскихъ, произошла не позднѣе половины V вѣка (—по Фридриху, это дѣло шестаго столѣтія), но и тогда нельзя будетъ не считаться съ данными, доставляемыми хронологіей рукописей. „Я не вижу, — говоритъ Тэрнеръ, — какой отвѣтъ можно дать на слѣдующій рядъ аргументовъ“. Во всѣхъ древнѣйшихъ коллекціяхъ, содержащихъ въ себѣ Сардикійскія правила, въ однихъ они предлагаются просто какъ Никейскія, въ другихъ какъ Сардикійскія, въ третьихъ—какъ эхо Карфагенскаго собора 419 года. Но главный пунктъ, самое сердце теоріи Фридриха составляетъ то положеніе, что каноны, сначала пущенные подъ авторитетомъ Никейскихъ, и каноны съ именемъ Сардикійскихъ далеко не одно и тоже дѣло. Отсюда мы должны были бы ожидать, что сборники VI вѣка не только представляютъ намъ двѣ группы этихъ правилъ—одну съ именемъ Никейскихъ, другую—Сардикійскія, но и покажутъ различіе между ними, устанавливаемое Фридрихомъ. На дѣлѣ же этого нѣтъ: всѣ сборники въ общемъ предлагаютъ одинаковый по содержанию текстъ. Надо допустить,—замѣчаетъ по этому поводу Тэрнеръ,—что кописты VI вѣка изготовляя списки псевдо-сардикійскихъ правилъ, заботливо вносили въ предлежавшій имъ псевдоникейскій текстъ всѣ дополненія, придуманныя послѣднимъ фальсификаторомъ, и въ тоже время оставляли въ неприкосновенности имя никейскихъ отцовъ, прямо обличающее эти добавленія; „кому такія трудности представляются менѣе, чѣмъ безнадежными, я радъ, что не могу согласиться съ нимъ“¹⁾.

Вторая группа возраженій Тэрнера имѣетъ свою цѣлю ослабить значеніе тѣхъ фактовъ, которые приведены Фридрихомъ въ доказательство неизвѣстности Сардикійскихъ правилъ на Западѣ за эпоху отъ папы Юлія до Иннокентія. Тэрнеръ, впрочемъ, не беретъ на себя обязанности входить въ специальное разсмотрѣніе этихъ фактовъ и такого разсмотрѣнія дѣйствительно не даетъ: онъ хочетъ лишь указать рядъ наблюденій, оставленныхъ въ аргументаціи Фридриха безъ вниманія или не оцѣненныхъ въ ихъ надлежащемъ значеніи. Попытаемся ближе взглядѣться въ тѣ усло-

¹⁾ Ibid., 380.

вія, при которыхъ составился Сардикійскій соборъ 343 г. Церковь уже давно развивала обширную административную и судебную дѣятельность и выработала рядъ правилъ, имѣвшихъ своею цѣлію поставить органы этой дѣятельности—епископовъ—въ законныя границы. На соборѣ Никейскомъ 325 года было постановлено, чтобы всѣ епископы каждой области два раза въ годъ собирались на общій соборъ и здѣсь обсуждали сомнительныя или опротестованныя дѣйствія отдѣльныхъ епископовъ касательно отлученія мірянъ или клириковъ. Но обстоятельства, послѣдовавшія за Никейскимъ соборомъ, скоро показали, что въ защитѣ отъ несправедливыхъ приговоровъ нуждаются не только міряне и клирики, но и сами епископы. Соборъ Сардикійскій и собранъ былъ для того, чтобы высказаться по поводу осужденія Аѳанасія александрійскаго, произнесеннаго соборомъ восточныхъ епископовъ въ Тирѣ въ 335 году, а также и по дѣлу другихъ жертвъ аріанскихъ преслѣдованій. Невозможно было требовать, чтобы каждый разъ, когда представлялась необходимость пересмотрѣть рѣшеніе областнаго собора, былъ собираемъ вселенскій соборъ. Сами восточные епископы на соборѣ въ Антиохіи 341 года пытались создать эту провѣрочную судебную инстанцію, узаконивши въ 14 своемъ правилѣ, чтобы въ случаѣ разногласія областнаго собора по вопросу о виновности епископа митрополитъ области призывалъ сосѣднихъ епископовъ и при ихъ соучастіи вновь разсматривалъ дѣло; если же сужденіе произносилось единогласно, то считалось окончательнымъ (пр. 15). Сардикійскій соборъ не могъ руководствоваться этимъ поставленіемъ уже потому, что послѣдняя его половина направлялась прямо противъ Аѳанасія, закрывая ему путь къ оправданію, тогда какъ его собственная задача состояла въ томъ, что изыскать мѣры къ возстановленію его права. Но куда обратиться съ апелляціей? Къ императору? Строгое предупрежденіе противъ подобнаго оборота дѣла было уже произнесено въ 12 пр. Антиохійскаго собора, и на Западѣ онъ едва-ли бы встрѣтилъ сочувствіе. Однако, это былъ единственный исходъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, если бы императоръ не стоялъ на сторонѣ аріанъ; теперь же мысли лучшихъ людей Запада, какъ Осія Кордубскій, должны были невольно обращаться къ римской кафедрѣ съ ея центральной позиціей

въ церкви, съ ея апостольской древностью и признаннымъ всей церковью преимуществомъ чести и у ней искать рѣшенія въ трудномъ вопросѣ епископской апелляціи. Соответственно этимъ требованіямъ времени соборъ 343 года и различаетъ въ своихъ правилахъ двоякаго рода апелляцію: а) одну для осужденныхъ клириковъ (пр. 14), б) другую для епископовъ (3—5 пр.). Въ первомъ случаѣ онъ повелѣваетъ обращаться къ митрополиту области или къ сосѣднимъ епископамъ,—во второмъ—къ кафедрѣ Петра, но предоставляя папѣ право принимать апелляціи на рѣшенія провинціальныхъ соборовъ, онъ ограничиваетъ его тѣмъ, что папа высказываетъ сужденіе лишь о достаточности или недостаточности произнесеннаго приговора, въ случаѣ же необходимости возобновить судъ, онъ дѣйствуетъ не лично, а чрезъ посредство сосѣднихъ епископовъ. Соборъ далекъ отъ мысли по дѣламъ епископской апелляціи все свести къ единоличному усмотрѣнію папы или его собственнаго суда. Такъ понимаемая Сардикійскія постановленія стоятъ съ полной гармоніи съ характеромъ своего вѣка: ихъ вышняя неопредѣленность, выражающаяся въ отсутствіи указаніи на выработанныя формы судопроизводства, и ихъ патріархальность, отдающая рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе мѣстныхъ болѣе освѣдомленныхъ, епископовъ--все это какъ нельзя болѣе приличествуетъ первой попыткѣ внести порядокъ въ процессъ о подсудности епископовъ. Стоитъ только просмотрѣть документы ближайшей генераціи, и нельзя не увидѣть, что тамъ царствуетъ иная атмосфера. Въ петиціи римскаго собора 380 года и въ рескриптѣ Граціана мы встрѣчаемъ уже устойчивыя и постоянныя формы суда: опредѣлившаяся юрисдикція митрополитовъ, узаконенное число епископовъ, принимающихъ участіе въ судѣ, личное рѣшеніе папой апелляцій,—чего совсѣмъ еще не знаютъ Сардикійскіе каноны. „Если они,—замѣчаетъ Тэрнеръ въ заключеніе этихъ своихъ соображеній, — поддѣланы въ интересахъ папства генераціей позднѣе Дамаса и Граціана, то авторъ ея выполнилъ свое дѣло плохо“ ¹⁾).

Если такимъ образомъ Сардикійскія правила нимало не противорѣчатъ историческимъ условіямъ своей эпохи, то съ

¹⁾ Turner, *ibid.*, 385—389.

другой стороны и ихъ неожиданное появленіе на Карѳагенскомъ соборѣ 419 года можетъ показаться менѣе страннымъ, если принять во вниманіе особенности исторіи церковнаго законодательства на Западѣ. Въ Западныхъ провинціи римской имперіи (за исключеніемъ Рима и Италіи) христіанство проникло столѣтіемъ позже, чѣмъ оно распространилось на Востокъ, и потому здѣсь церковное развитіе шло медленнѣе, оставаясь въ теченіи первыхъ вѣковъ христіанства всегда позади Востока. Въ то время, какъ восточныя церкви уже за первую четверть 4-го столѣтія имѣли довольно пространный кодексъ правилъ, изданныхъ въ Анкирѣ, Неокесаріи и Никееѣ, а за вторую четверть къ нему прибавились еще постановленія собора Антіохійскаго, Гангрскаго и Лаодикійскаго, Западъ могъ указать только на два помѣстныхъ собора—Испанскій въ Эльвирѣ и Галльскій въ Арлѣ, дисциплинарныя рѣшенія которыхъ носили, однако, ограниченный и спеціальныи характеръ. Дѣйствительное начало церковнаго законодательства на Западѣ падаетъ на конецъ 4-го и первые годы 5 вѣка, когда мы видимъ цѣлый рядъ соборовъ, собирающихся для упорядоченія церковныхъ дѣлъ во всѣхъ главныхъ западныхъ провинціяхъ — въ Испаніи, Галліи и Африкѣ. Постановленія этихъ соборовъ образовали собою первоначальную основу величественнаго зданія средневѣковаго каноническаго права, но будучи вызваны мѣстными обстоятельствами и преслѣдуя удовлетвореніе наличныхъ требованій, они не могли считаться и не имѣли нужды знать каноны столь отдаленнаго по мѣсту и времени отъ нихъ собора, какъ Сардикійскій 343 года. Если Африканскій *corpus juris*, вставленный въ акты Карѳагенскаго собора 419 года, опускаетъ совсѣмъ африканскій соборъ при Гратѣ, то не великое чудо, если Августинъ и другіе церковные люди Африки совсѣмъ незнакомы съ соборомъ въ Сардикѣ. Вѣроятно, римская церковь не теряла совсѣмъ изъ виду Сардикійскихъ постановленій даже въ промежутокъ времени между понтификатствомъ Юлія и Сириція, хотя прямыхъ доказательствъ этого и не сохранилось. На возраженіе же, что папы, подобные Дамасу или Сирицію, при которыхъ такъ много было говорено и такъ много сдѣлано въ пользу привилегій римской кафедры, должны были бы выдвинуть эти постановленія въ первый рядъ своей аргументаціи, можно от-

вѣтить, что они-то именно и не имѣли побужденій обращаться къ нимъ. „Святая римская церковь,—писалъ въ одномъ случаѣ Дамась,—не обязана своими привилегіями соборнымъ постановленіямъ другихъ церквей, но обладаетъ приматствомъ по евангельскому слову Господа и Спасителя нашего“. Тотъ, кто свои права на первенство возводитъ непосредственно ко Христу, можетъ свободно игнорировать такую опору, какъ правила помѣстнаго собора, хотя бы въ практической дѣятельности онъ и сообразовался съ ними¹⁾.

Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что Сардикійскія правила сначала появились подъ именемъ Никейскихъ. Никейскій соборъ пользовался особымъ уваженіемъ на западѣ; авторитетъ его постановленій не только догматическихъ, но и каноническихъ почти уравнивался съ Св. Писаніемъ. Правила всѣхъ другихъ соборовъ имѣютъ свое значеніе, но лишь правила Никейскаго собора для всѣхъ обязательны и неизмѣнны,—вотъ точка зрѣнія, господствовавшая на Западѣ. „Что касается до соблюденія каноновъ,—писалъ папа Иннокентій I по дѣлу Златоуста, — то должно повиноваться только тѣмъ, которые опредѣлены въ Никей: имъ однимъ должна слѣдовать и признавать католическая церковь“. Это исключительное преобладаніе авторитета Никейскаго собора на западѣ дало знать о себѣ въ томъ, что здѣсь всѣ болѣе важныя дисциплинарныя мѣры стремились связать съ его именемъ. Когда началась на западѣ рецепція правилъ, изданныхъ восточными соборами, въ первыхъ ихъ спискахъ они приурочены были къ Никейскому собору; такъ въ древнейшемъ Галльскомъ собраніи каноническихъ памятниковъ западной церкви правила соборовъ Неокесарійскаго, Гангурскаго и Антиохійскаго значатся подъ именемъ Никейскихъ; цитаты съ подобнаго рода неточностью встрѣчаются и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ западныхъ писателей. Если правила восточныхъ соборовъ могли быть восприняты на западѣ въ качествѣ Никейскихъ, то тѣмъ легче было приписать это происхожденіе Сардикійскимъ канонамъ. Здѣсь имѣлась реальная связь въ имени Осія: онъ былъ извѣстенъ, какъ сочленъ перваго вселенскаго собора: его подпись значилась на первомъ мѣстѣ въ спискахъ Никейскихъ

¹⁾ Turner, 391. 392.

отцовъ; его же имя стоитъ и въ надписаніи большинства Сардикійскихъ правилъ. Нѣтъ надобности предполагать, что отождествленіе Сардикійскихъ правилъ съ Никейскими произошло непременно въ Римѣ: оно также хорошо могло имѣть мѣсто въ Галліи, какъ и сѣверной Италіи. „Безъ сомнѣнія ученый съ историческимъ чутьемъ скоро бы подмѣтилъ особый сардикійскій колоритъ въ этихъ правилахъ, но никто не можетъ требовать, чтобы Зосимъ или Иннокентій обладали этимъ чутьемъ или чтобы они совѣтовались съ учеными на счетъ подлинности документа, прежде чѣмъ воспользоваться имъ; что папы дѣйствовали столь беззаботно, объ этомъ можно пожалѣть, но чтобы они изобрѣли каноны, какъ подлогъ, или даже, чтобы они дали имъ имя Никейскихъ съ цѣлю ввести въ обманъ, это — такія заключенія, на которыя не уполномочиваетъ безпристрастное изслѣдованіе свидѣтельствъ исторіи“—такъ заканчиваетъ Тернеръ свою статью противъ Фридриха ¹⁾.

III. Переходя къ критическимъ замѣчаніямъ касательно изложенныхъ сейчасъ разсужденій Фридриха и Тэрнера по вопросу о подлинности Сардикійскихъ каноновъ, мы еще разъ напомнимъ читателямъ, что не имѣемъ въ виду давать какого-либо окончательнаго рѣшенія поднятаго этими учеными спора. Такая задача потребовала бы не библиографической замѣтки, а спеціальной и обширной диссертациі и могла бы быть выполнена не иначе, какъ на основаніи изученія рукописныхъ памятниковъ каноническаго права древне-латинской церкви, которое одно только и способно пролить свѣтъ на спорный вопросъ. Наша задача лишь ознакомить людей интересующихся съ современнымъ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ, а потому и наши замѣчанія, вращающіяся въ предѣлахъ уже выдвинутыхъ въ ученой литературѣ аргументовъ, должны имѣть условное значеніе.

На чьей же сторонѣ лежитъ наибольшая степень научной вѣроятности—на сторонѣ-ли Фридриха, отрицающаго подлинность Сардикійскихъ каноновъ или на сторонѣ защитника ихъ Тэрнера? Какъ ни убѣдительна аргументація, выдвинутая Фридрихомъ, какъ ни разнообразны доводы, подо-

¹⁾ Ibid., 392—396.

бравные имъ въ пользу своего тезиса, всетаки нужно признаться, что возраженія, предъявленныя Тэрнеромъ, въ корнѣ разрушаютъ его теорію *въ томъ видѣ*, въ какомъ она развита Мюнхенскимъ профессоромъ. Правда, Тэрнеръ не приводитъ никакихъ новыхъ данныхъ, которыя доказывали бы существованіе Сардикійскихъ правилъ на пространствѣ времени между папами Юліемъ и Иннокентіемъ I; онъ даже далеко не всѣ доводы Фридриха подвергаетъ нарочитому разбору, но этого и не нужно; въ подобныхъ сложныхъ построеніяхъ, какъ теорія Фридриха, одна фактическая неточность, научно установленная, можетъ разрушить все зданіе. Допустимъ напр., что ссылка Грата на 18 правило Сардикійскаго собора, находящаяся въ карѳагенскихъ актахъ, подлинна,—а допустить это необходимо въ виду разъясненій, сдѣланныхъ Тэрнеромъ,—и тогда вся гипотеза Фридриха окажется висящей на воздухѣ. Если карѳагенскій епископъ Гратъ, хотя не присутствовавшій лично на соборѣ въ Сардикѣ, но, какъ свидѣтельствуемъ Аванасіи, подписавшійся подъ его опредѣленіями, въ 345 или 348 г. зналъ подъ именемъ Сардикійскаго правила, дѣйствительно имѣющееся въ спискахъ его постановленій, то ясно, что, во-первыхъ, соборъ Сардикійскій издавалъ правила, во-вторыхъ, что эти правила сначала существовали съ подлиннымъ именемъ и, въ третьихъ, что по крайней мѣрѣ одно изъ правилъ дошло до насъ въ неповрежденномъ текстѣ. Не трудно, однако, видѣть, что всѣ эти выводы не только несоединимы съ воззрѣніемъ Фридриха на исторію Сардикійскихъ правилъ, но и отнимаютъ у него научное право на постановку вопроса о времени ихъ происхожденія. Но если и предположить, что затрудненіе, вызываемое ссылкой Грата, какимъ-либо образомъ будетъ устранено, — то и тогда теорія Фридриха ничего не выиграетъ въ своей вѣроятности. Тэрнеръ съ достаточной убѣдительностью раскрылъ ту историческую неестественность, которая заключается въ самомъ существѣ проекта Фридриха, требующаго для себя цѣлаго ряда сложныхъ и искусныхъ подлоговъ, не встрѣчающихъ себѣ аналогій въ исторіи литературы. Но этого мало: строго говоря, проэктъ Фридриха не отвѣчаетъ своей задачѣ и не объясняетъ того факта, которымъ онъ вызванъ. Предполагаемый подлогъ могъ преслѣдовать только одну цѣль—под-

твердить притязанія папы на высшій контроль церковно-судебныхъ процессовъ авторитетомъ вселенскаго собора, и эта цѣль вполнѣ достигалась 3—5 правилами. Если первый фальсификаторъ, издавшій правила подъ именемъ Никейскихъ, при своей работѣ имѣлъ предъ собою списокъ подлинныхъ правилъ Никейскаго собора, то ему достаточно было внести въ него придуманныя имъ 3—5 правила, чтобы выполнить свое намѣреніе. Но чѣмъ же объяснить появленіе остальныхъ 17-ти правилъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ папскимъ прерогативамъ? Если фальсификаторъ, придумывая эти правила, хотѣлъ замаскировать свою поддѣлку, то какими мотивами онъ руководствовался при выборѣ ихъ? почему именно эти, а не другіе церковные недостатки обратили на себя его вниманіе? и какимъ образомъ могло случиться то, что, не смотря на всю искусственность своей работы, изданныя имъ правила оказались вполнѣ соответствующими состоянію церкви въ первой половинѣ IV вѣка?—на этотъ и цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, невольно рождающихся при чтеніи правилъ, теорія Фридриха отвѣта не даетъ.—Наконецъ, полную научную доказательность имѣютъ и доводы Тэрнера, извлеченныя имъ изъ древнѣйшихъ каноническихъ сборниковъ Западной церкви. Въ самомъ дѣлѣ, по предположеніямъ Фридриха, изболѣваемая имъ поддѣлка должна была пройти двѣ различныхъ стадіи развитія—никейскую и сардикійскую. Въ качествѣ никейской она появилась въ канцеляріи Иннокентія I около ⁴¹⁷/₄₁₈ года и не имѣла еще тѣхъ специальныхъ особенностей, которыя теперь неразрывно связываютъ ее съ соборомъ 343 года; такъ въ ней не могли имѣть мѣста имена Юлія и Грата, въ ней не было также правила о епископахъ „на водныхъ путяхъ“. Эта никейская рецензія, однако, не оставалась за стѣнами канцеляріи Иннокентія: Галлія должна была получить списокъ именно съ этой рецензіи, она же была послана въ Африку и прочитана на Карфагенскомъ соборѣ 419 года, акты котораго, надо замѣтить, пользовались весьма большимъ распространеніемъ на Западѣ. И тѣмъ не менѣе ни въ одномъ изъ каноническихъ сборниковъ 14 вѣка, имѣющихся въ значительномъ количествѣ экземпляровъ (по Тэрнеру—11) и основанныхъ на спискахъ V вѣка, нѣтъ нисколько слѣда этой рецензіи! Надо, слѣдовательно, допустить, что какъ

только въ VI вѣкѣ появилась новая, сардикійская рецензія правилъ, всѣ никейскіе ея списки, находившіеся въ обращеніи, были немедленно исправлены по ней или изъяты изъ употребленія, но это такое предположеніе, невѣроятность котораго не требуетъ доказательствъ.

Но если теорія Фридриха, въ виду указаннаго выше несоотвѣтствія ея историческимъ даннымъ, и не можетъ быть принята наукой, то это еще далеко не значить того, чтобы и поднятый имъ вопросъ о подлинности Сардикійскихъ правилъ долженъ быть сданъ въ архивъ на вѣчное успокоеніе. Напротивъ, по нашему мнѣнію, теперь-то именно, послѣ возраженій, представленныхъ Тэрнеромъ, этотъ вопросъ и можетъ получить точную формулировку и присущій ему высокій научный интересъ. Дѣло въ томъ, что Фридрихъ, въ увлеченіи сдѣланной имъ догадкой, превысилъ научныя полномочія и въ своемъ выводѣ далъ гораздо больше того, что оправдывали приведенныя имъ основанія. Прочитывая его изслѣдованіе, легко можно убѣдиться, что оно рѣшаетъ не вопросъ о подлинности всѣхъ вообще канонѣвъ, извѣстныхъ съ именемъ Сардикійскаго собора, а только вопросъ о подлинности 3, 4 и 5 правилъ его, трактующихъ объ апелляціяхъ къ папѣ. Какъ это ни странно, но это такъ на самомъ дѣлѣ. Свой исходный пунктъ Фридрихъ беретъ изъ установленнаго новѣйшими каноническими изслѣдованіями факта несоотвѣтствія именно этихъ 3 — 5 правилъ общему строю церковнаго судопроизводства за весь IV вѣкъ ¹⁾, главная и самая любопытная часть его доклада посвящена раскрытію того тезиса, что за весь періодъ отъ папы Юлія до послѣднихъ годовъ Иннокентія 1-го папы не только не пользовались этими именно правилами, но даже и не знали ихъ ²⁾, этиже правила обращаютъ на себя преимущественное вниманіе его и въ отдѣлѣ объ источникахъ, какими пользовался фальсификаторъ, — словомъ, на всемъ протяженіи доклада Фридриха рѣчь идетъ только о 3, 4 и 5 Сардикійскихъ правилахъ ³⁾. Но въ окончательномъ выводѣ Фридрихъ оставляетъ эту свою правильную точку зрѣнія и, при-

1) Friedrich, стр. 417. 418. 423. 424.

2) Ibid. 424—450.

3) Ibid., 452—460.

знавъ неподлинность *всѣхъ* Сардикійскихъ правилъ, долженъ былъ пуститься въ рискованныя комбинаціи и предположенія, не оправдываемыя исторіей. Эта роковая ошибка погубила всю его теорію и дала въ руки противниковъ оружіе, противъ котораго бороться нельзя. Но, въ дѣйствительности, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній утверждать, что, если 3, 4 и 5 правила неподлинны, то и всѣ остальные составляютъ поддѣлку,—совсѣмъ напротивъ: предположеніе, что поддѣланныя правила внесены были въ готовый уже и подлинный кодексъ правилъ, упрощаетъ весь вопросъ и ставитъ его на твердую историческую почву. Внося эту необходимую, требуемую самымъ изслѣдованіемъ, поправку въ вопросъ, поднятый Фридрихомъ, мы получаемъ дѣло въ совсѣмъ новомъ освѣщеніи.

Прежде всего при указанной нами новой постановкѣ вопроса теряютъ всякое значеніе возраженія, предъявленныя Тэрнеромъ. Цитата Грата на Карѳагенскомъ соборѣ остается въ полной своей силѣ и даже, какъ увидимъ, пріобрѣтаетъ новую историческую цѣнность. Всѣ затрудненія, извлеченныя имъ изъ анализа теоріи Фридриха, оказываются несуществующими. Нѣтъ никакой надобности предполагать, что Сардикійскія правила пережили два фазиса въ своемъ развитіи: никейскій и собственно сардикійскій. Какимъ образомъ подлинныя Сардикійскія правила, (за исключеніемъ 3—5 канонѳвъ) могли получить имя Никейскихъ, это прекрасно объясняетъ самъ Тэрнеръ исключительнымъ господствомъ авторитета Никейскаго собора на Западѣ и аналогіями изъ исторіи правилъ другихъ помѣстныхъ соборовъ. Точно также нѣтъ ни малѣйшей нужды представлять и фальсификатора въ роли современнаго ученаго, окруженнаго источниками ¹⁾ и тщательно изучающаго характеръ той эпохи, къ какой онъ пріурочиваетъ свою поддѣлку, чтобы лучше обмануть послѣдующія поколѣнія. Напротивъ, это—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ типовъ фальсификаторовъ, впи-

1) По Фридриху фальсификаторъ долженъ былъ имѣть у себя подъ руками очень солидное число источниковъ: посланіе римскаго собора 380 года къ Граціану, рескриптъ этого императора, посланіе Иннокентія къ Витрицію, акты римскаго собора при Сириціи, дѣянія разныхъ карѳагенскихъ соборовъ, списокъ Сардикійскихъ отцовъ и творенія Аванасія.

сывающій въ существующій документъ нужныя ему дополненія, и его неумѣлая, невразумительная фраза показываетъ его невысокое образованіе. Наконецъ, въ этой новой постановкѣ вопроса утрачиваютъ свою доказательную силу и данныя, извлеченныя Тэрнеромъ изъ древнихъ сборниковъ каноническаго права; если подложныя правила были привнесены въ послѣдніе годы Иннокентія и притомъ въ списокъ подлинныхъ Сардикійскихъ правилъ, сохранявшихся подъ именемъ Никейскихъ, то разнорѣчивыя показанія сборниковъ VI вѣка не могутъ имѣть ровно никакого значенія.

Съ другой стороны, съ внесеніемъ предлагаемаго нами ограниченія въ окончательный выводъ Фридриха, и его аргументація получаетъ всю по праву принадлежащую ей научную цѣнность. Раскрытый и доказанный имъ фактъ полнѣйшаго незнакомства папъ съ 3—5 правилами Сардикійскаго собора за весь IV вѣкъ и начало V-го выступаетъ предъ нами съ новой силой и становится загадочнымъ вопросомъ, требующимъ рѣшенія. Но при современномъ положеніи дѣла, едва-ли можетъ быть указанъ какой-либо другой болѣе удовлетворительный отвѣтъ на него, чѣмъ тотъ, какой даетъ Фридрихъ. Объ этомъ достаточно ясно говоритъ уже неудачная попытка Тэрнера объяснить происхожденіе Сардикійскихъ правилъ и странную ихъ судьбу особенностями историческаго развитія западной церкви. ¹⁾ Оригинальность этой попытки заслуживаетъ того, чтобы посвятить ей нѣсколько строкъ. Какъ мы знаемъ, по сужденію англійскаго ученаго, 3—5 правила Сардикійскаго собора настолько гармонируютъ съ своей эпохой, что появивсь они въ вѣкъ Дамаса и Граціана, они были бы уже устарѣвшими. Но подобнаго рода сужденіе можетъ вызвать только недоумѣніе въ виду радикальнаго его противорѣчія со всѣми результатами новѣйшихъ изслѣдованій объ устройствѣ церковнаго суда и управленія въ IV вѣкѣ. Такъ, извѣстный нѣмецкій ученый Гиншусъ въ своемъ обширномъ сочиненіи по церковному праву высказывается о Сардикійскихъ канонахъ въ слѣдующихъ словахъ: „часто затрогиваемыя 3, 4 и 5 правила (Сардикійскаго собора) объ аппелляціяхъ низложенныхъ епископовъ въ Римъ являются чѣмъ-то совершенно новымъ, что Никей-

¹⁾ Тэрнеръ, стр. 385.

скому Собору не только было неизвѣстно, но и не можетъ быть приведено въ согласіе съ 6-мъ его правиломъ“¹⁾. Другой также извѣстный знатокъ церковнаго права Лѳиннгъ замѣчаетъ: „постановленія Сардикійскаго собора никогда не были восприняты всею церковью (какъ же это могло быть, еслибы они отвѣчали назрѣвшей нуждѣ?), даже нельзя показать, чтобы и на Западѣ они вступили въ силу и вообще получили значеніе“²⁾. Эти авторитетные отзывы сами собою дѣлаютъ понятнымъ то, почему Тэрнеръ долженъ былъ прійти къ своему сужденію путемъ историческихъ натяжекъ, произвольно умаливъ юридическій смыслъ правилъ. По его мнѣнію, все содержаніе 3—5 правилъ можно объяснить изъ процесса Аѳанасія, но какъ смотрѣли на этотъ процессъ западная церковь и самъ папа, это видно изъ того, что Сардикійскій соборъ, созванный для этой цѣли, предполагался быть вселенскимъ, и если онъ распался на два помѣстныхъ, то это произошло независимо отъ желанія его инициаторовъ. Вселенскій соборъ (а не папа)—вотъ единственная инстанція, компетентная, по тогдашнимъ возрѣніямъ, положить конецъ затрудненіямъ, охватившимъ всю церковь³⁾. Кроме того, дѣло Аѳанасія, какъ архіепископа цѣлой области, было дѣломъ исключительнымъ, и если бы оно подало поводъ къ составленію 3—5 Сардикійскихъ правилъ, то и правила,—естественнѣе ожидать,—говорили бы объ апелляціяхъ епископовъ равнаго съ Аѳанасіемъ ранга. Между тѣмъ, въ нихъ право апеллировать въ Римъ распространяется на всѣхъ епископовъ безъ всякаго вниманія къ отличіямъ ихъ церковнаго положенія,—а это такое нововведеніе, которое, какъ и указываетъ Гиншюсъ, не имѣло никакихъ основъ въ тогдашнемъ церковномъ строѣ и противорѣчило всѣмъ давно установившимся порядкамъ. Какъ далека была въ IV вѣкѣ мысль церковнаго сознанія отъ централизаціи судебныхъ дѣлъ около римской кафедры, да еще въ законодательномъ порядкѣ, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ тотъ единодушный отпоръ, какимъ отвѣтилъ Востокъ на предпринятый

1) Hinschius, Kirchenrecht, III. 2. 631.

2) У Frildrich'a, s. 424.

3) Совершенно также, какъ мы видѣли, высказывался позднѣе и папа Пянокентіѳ I по дѣлу Златоуста.

папой пересмотръ дѣла о никейскихъ изгнанникахъ, хотя этотъ пересмотръ вызывался самой необходимостью: „новшество пытаются ввести,—писали восточные о Сардикійскихъ отцахъ, оправдавшихъ Аѳанасія и другихъ изгнанныхъ епископовъ,—котораго страшится древній обычай церкви, чтобы, если что восточные епископы постановили на соборѣ, вновь изслѣдовалось западными“ ¹⁾ и наоб. Но и не говоря уже о IV вѣкѣ, даже въ 419 году, когда Сардикійскія правила были доставлены папой въ Африку, ихъ приняла здѣсь, какъ нѣчто новое, противорѣчащее древнимъ обычаямъ.

Но вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ—или нѣтъ Сардикійскія постановленія историческимъ условіямъ времени, имѣетъ въ данномъ случаѣ побочное значеніе. Самъ Тэрнеръ признается, что объяснить ихъ происхожденіе еще не значитъ рѣшить трудности, заключающіяся въ ихъ исторіи. Центръ тяжести въ воззрѣніи Фридриха лежитъ не здѣсь, а въ устанавливаемомъ имъ путемъ тщательнаго анализа памятниковъ административной дѣятельности папъ тезисъ, что за все время отъ 343 г. до 417 г. папы не знали 3, 4 и 5 Сардикійскихъ правилъ, что ихъ поведеніе во многихъ случаяхъ было бы совсѣмъ иное, если бы эти правила были имъ извѣстны. Мы видѣли, что Фридриху удалось извлечь изъ исторіи папскихъ отношеній за эту эпоху нѣсколько поразительныхъ фактовъ, наглядно подтверждающихъ его тезисъ. Что же могъ противопоставить Тэрнеръ этому ряду доказательствъ, приведенныхъ Фридрихомъ? Ничего, кромѣ общей и лишенной научнаго смысла фразы: ²⁾ „въроятно римская церковь не теряла совершенно изъ виду Сардикійскіе каноны даже (?) въ промежутокъ времени между понтификатствомъ Юлія и Сириція, хотя—*прямыхъ* (чит.: никакихъ) *указаній на примѣненіе ихъ и не найдено*“ ³⁾. Вѣроятность, имѣющая все противъ себя и ничего за себя! Правда, по мысли Тэрнера, папы, производившіе свои права

¹⁾ Hilg., Fragm. III, 26.

²⁾ Мы опускаемъ безъ разбора не относящуюся къ дѣлу мысль Тэрнера объ особенностяхъ развитія каноническаго законодательства на западѣ. Фридрихъ утверждаетъ, что даже папы не знали 3—5 Сард. правилъ, о провинціальныхъ западныхъ церквахъ онъ и не говоритъ.

³⁾ Turner, *ibid.*, 391.

непосредственно отъ Христа, и не могли придавать значенія постановленіямъ соборнымъ, дабы ссылкой на нихъ не унизить своего авторитета, но вѣдь это обходъ вопроса, а не доказательство. Тэрнеръ и самъ хорошо знаетъ, и могъ видѣть это у Фридриха, что всѣ папы IV и начала V вѣка весьма охотно эксплуатировали въ свою пользу 6 правило Никейскаго собора и, когда Сардикійскіе каноны стали извѣстны, папы V вѣка не только не усмотрѣли въ пользованіи ими какого-либо урона для своего авторитета, а напротивъ на нихъ-то и основали свои новыя притязанія.

И такъ, вся аргументація, приведенная Фридрихомъ въ доказательство незнакомства папъ IV и начала V вѣка до 417 года съ 3—5 правилами Сардикійскаго собора, остается въ полной своей силѣ. Папы этого періода не знали 3—5 правилъ, но они не могли ихъ не знать, если они существовали; значить, обсуждаемыя правила появились позднѣе, но не позже 417 года, когда встрѣчается первое, хотя и неясное, указаніе на нихъ. Таково заключеніе, къ которому приводитъ разсмотрѣніе вопроса о подлинности этихъ правилъ въ его современномъ положеніи. Давая собой исчерпывающій всѣ затрудненія отвѣтъ на то, почему мы не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ пользованія 3—5 правилами за 343—417 годы не только во всей остальной церкви, но и у римскихъ папъ, оно также хорошо уясняетъ и тѣ сомнѣнія и недоумѣнія, какія вызвало собой ихъ первое появленіе въ Кароагенѣ въ 419 году. Пока не произойдетъ какихъ-либо новыхъ открытій, пока аргументація защитниковъ подлинности не измѣнится въ самомъ корнѣ, это заключеніе будетъ имѣть полное право на вниманіе къ себѣ со стороны науки.

На основаніи всего вышеизложеннаго, дѣло, повидимому, нужно представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ. Сардикійскій соборъ 343 г. издалъ рядъ правилъ ¹⁾ касательно благоустройства разныхъ сторонъ современной ему церковной жизни, но въ подлинномъ экземплярѣ этихъ правилъ не было 3, 4 и 5 теперешнихъ постановленій. Въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, при какихъ происходила дѣятельность Сардикійскаго собора, его правила не могли проникнуть на

¹⁾ Число изданныхъ имъ правилъ точно опредѣлить нельзя, такъ какъ греч. и лат. редакціи указываютъ ихъ различно.

Востокъ, но и на Западѣ они едва-ли распространились въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ списковъ. Даже такой видный епископъ Запада, какъ Гратъ, предстоятель всей африканской церкви, чрезъ три или пять годовъ послѣ собора въ Сардикѣ, пользуется его правилами *по памяти*, а не на основаніи копій. Вѣроятно, что правила Сардикійскаго собора очень рано были присоединены къ Никейскимъ; на Западѣ смотрѣли на соборъ въ Сардикѣ, какъ на второй Никейскій, но только западный, да и самъ соборъ своей задачей поставлялъ именно возобновленіе дѣла никейскихъ отцовъ. Къ тому же и правила, изданныя имъ, во многихъ случаяхъ были лишь распространеніемъ правилъ Никейскихъ ¹⁾. Не извѣстно, въ какое время, но не позже 417 года въ экземпляръ этихъ правилъ, находившійся въ Римѣ, сдѣлана была вставка теперешнихъ 3—5 правилъ, основанная на рескриптѣ Граціана 380 г. и имѣвшая своею цѣлю постановленія этого рескрипта, касавшіяся лишь западной церкви, распространить на всю церковь и подтвердить авторитетомъ вселенскаго собора. Нѣтъ надобности думать, что такая интерполяція произведена была при участіи или съ вѣдома папы; подлоги вовсе не представляли собой рѣдкаго явленія въ древней церкви; всегда могъ найтись энтузіастъ съ ложной ревностью о благѣ церкви и Рима, способный совершить подобный поступокъ въ полной увѣренности, что все имъ сдѣланное послужитъ только *ad majorem gloriam dei*. Папы начали пользоваться этимъ дополненнымъ спискомъ съ 417 года; изъ канцеляріи папъ, а затѣмъ при посредствѣ актовъ Карфагенскаго собора 419 года, стяжавшихъ себѣ большую популярность на западѣ, копій этого списка распространились постепенно по всѣмъ западнымъ церквамъ и были переведены на греч. языкъ не ранѣе первой половины VI вѣка ²⁾.

А. Спасскій.

---

¹⁾ Ср. 1 пр. Сард. съ 15 Ник.; 3 пр. (во второй части, не относящейся къ апелляціямъ) съ 5 пр.; 10 съ 2 пр.; 13 съ 5; 14 съ 5; 18 (лат.) съ 16.

²⁾ Въ первый разъ встрѣчаются въ сборникѣ Іоанна Постника, принадлежащемъ половинѣ VI вѣка.